

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.155-164

Жаворонкова Н. Г.*,
Воронина Н. П.**

Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта

Аннотация. В статье представлен анализ цифровой трансформации экологического права, рисков и возможных последствий цифровизации и применения искусственного интеллекта в праве, раскрыта особая роль экологической политики в концепции цифровизации экологического права. Исследован вопрос о значении нравственности и морали, роли и месте человека как биологического существа, действующей или возможной правовой системы, «цифровой законности», об основах правопорядка в условиях цифровизации права в целом и экологического права в частности. Обозначены области применения цифровых технологий в экологическом праве. Рассмотрены особенности цифровизации отдельных институтов экологического права. Сформулированы принципы, на основе которых должны быть разработаны нормативные и ненормативные подходы к внедрению и эксплуатации систем искусственного интеллекта в регулировании экологических отношений. Выявлены дискуссионные вопросы цифровизации экологического права, риски и угрозы, сопровождающие трансформацию экологического права. Определены подходы к построению цифровой правовой экосистемы. Сделан вывод о трансформации как концепции экологического права, так и современной модели правового регулирования экологических отношений.

Ключевые слова: цифровизация; экологическое право; цифровое право; искусственный интеллект; эколого-правовая политика; цифровая правовая экосистема; риск-ориентированный подход; экологическое управление; экологическая информация; принцип.

Для цитирования: Жаворонкова Н. Г., Воронина Н. П. Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 155–164. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.155-164.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Жаворонкова Н. Г., Воронина Н. П., 2025

* Жаворонкова Наталья Григорьевна, доктор юридических наук, профессор
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
gavoron49@mail.ru

** Воронина Наталья Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
79315016167@yandex.ru

Digitalization of Environmental Law and Possibilities for Artificial Intelligence Implementation

Natalia G. Zhavoronkova, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russian Federation
gavoron49@mail.ru

Natalya P. Voronina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
79315016167@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the digital transformation of environmental law, risks and consequences of digitalization and artificial intelligence (AI) implementation, highlighting the special role of environmental policy in the concept of digitalization of environmental law. The authors examine the role of morality and ethics, the role and place of man as a biological being, existing or potential legal systems, “digital legality,” the foundations of the rule of law in the context of the digitalization of law in general and environmental law in particular. Key application areas for digitalization in environmental law are identified. The features of digitalization of individual institutions of environmental law are considered. Principles for normative and non-normative approaches to AI implementation in environmental governance are formulated. The controversial issues of digitalization of environmental law, risks and threats accompanying this transformation are outlined. Approaches to building a digital legal ecosystem have been identified. The study concludes that both environmental law’s conceptual understanding and regulatory models are undergoing transformation.

Keywords: digitalization; environmental law; digital law; artificial intelligence; environmental and legal policy; digital legal ecosystem; risk-oriented approach; environmental management; environmental information; principle.

Cite as: Zhavoronkova NG, Voronina NP. Digitalization of Environmental Law and Possibilities for Artificial Intelligence Implementation. *Aktual’nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(8):155-164. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.155-164.

Acknowledgments. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority 2030».

Острая дискуссия о возможностях и перспективах повышения качества правового регулирования в экологической сфере, в том числе путем цифровизации права (экологического, в частности), затронула ряд важнейших, даже фундаментальных, основ теории и методологии права, его место в системе государственного управления, межгосударственных отношений, пересмотр, казалось, очевидных и незыблемых правовых доктрин (до сих пор находящихся в русле традиционного права). Интернет-технологии, лавинообразно увеличивающиеся объемы баз данных, цифровизация законодательства и правоприменения, с одной стороны, обозначили перспективы и парадигмы развития глобального правового поля, интернационализации экологического права, с другой — проявились тенденции одно-

временной суверенизации права, цифрового суверенитета, безопасности самого экологического национального права. Но подчас ключевой вопрос о смыслах и целях цифровизации эколого-правовой политики заменен вопросом о прикладных преимуществах оцифровки актов, возможностях использования больших баз данных нормативных актов, автоматизации многих судебных, досудебных процессов и процедур. На наш взгляд, необходимо для эффективности экологического права обсуждать не саму цифровизацию права, а векторы его развития, ее последствия, риски грядущих изменений, полезность для конкретных субъектов и областей применения, возможности массового использования интернет-технологий, создающихся алгоритмов и искусственного интеллекта (далее — ИИ).

Оцифровка нормативных правовых актов, интернет-технологии, базы данных — это скорее организационно-технологические, в меньшей степени юридические проблемы, но постепенный переход многих правовых процедур «в цифру», новые по сути и содержанию алгоритмы юридических действий, сама трактовка правовой нормы (особенно ИИ) могут создать пока неизвестную правовую ткань, повлиять на институты и разделы экологического права, например на показатели охраны среды и экологической безопасности, на оценку степени угроз и вызовов, стоящих перед экологическим развитием.

Можно легко представить, что и оцифровка нормативных правовых актов, и цифровизация права и экономики как технологический процесс уже в 2025–2030 гг. успешно внедрены на всех уровнях и стадиях правотворчества: в нормотворчестве, судебной деятельности, в адвокатской практике, но сейчас более важно понять, что цифровизация права действительно способствует условной эффективности, а что является просто технологическим дизайном. Но этот вопрос самый простой. Есть гораздо более сложные. Нужно ли выделять проблему эколого-правовой политики и экологического права в контексте эволюции цифровизации и грядущей эры ИИ в особый раздел уже в силу того, что цифровизация как принцип организации управления в своей основе противостоит экологии? То, что эта цифровая эра стремительно (на наших глазах) формируется и в ней будут иные, пока неизвестные эколого-правовые отношения, очевидно всем. Необходимо обратить внимание на предмет экологического права, его назначение, миссию, сверхзадачу — сохранение биологической основы существования, условий для жизни и развития, недопущение экологической катастрофы и деградации природы. Можно привести самые разные определения, но суть именно в этом.

Человек прежде всего биологическое существо, у него есть пределы жизненных процессов, биологические потребности, он ограничен именно биологическим размером своего

существования. Но цифровизация — это переход в другую реальность, к иной логике жизни, смыслам, ценностям, алгоритмам цифрового порядка, другим параметрам взаимодействия природы и общества; цифровая экосистема — это другой, не биологический, скорее искусственно созданный, мир. Поэтому главный вопрос цифровизации экологического права — о понимании пределов и рисков внеприродной реальности. Есть ли у юристов образ «цифровой законности», цифрового порядка, цифрового правосудия, цифровой нравственности и справедливости, не противоречащий биологическим и нравственным законам? В настоящее время мы видим почти не контролируемый поток инноваций, создающий неограниченные возможности усиления интеллектуальной мощи человека, фантастического повышения эффективности производства, производительности труда, но замечаем ли мы последствия эколого-правовой цифровизации? Глобальные климатические изменения показали, что, как бы ни были серьезны и могущественны информационные технологии (в том числе в праве), экологические законы — основа жизни.

Например, темпы цифровизации и внедрения ИИ в сферу права таковы, что уже к 2027–2030 гг. цифровизация и повсеместное внедрение ИИ способны изменить судебную систему. Мы близки к такому переходному моменту в юриспруденции. Но что это значит? Вся судебная инфраструктура, образование, кадры, вся процессуальная часть подвергнутся радикальным изменениям. Какова степень готовности к таким радикальным переменам, за какой срок можно подготовить десятки тысяч юристов, способных работать в цифровой среде? Появление дисциплин и программ подготовки студентов/преподавателей по цифровому праву можно только приветствовать. Так, в учебнике «Цифровое право» под редакцией В. В. Блажеева, М. А. Егоровой¹ дано определение: «цифровое право — это система гарантированных государством общеобязательных, формально-определенных правил поведения, которая складывается в области применения

¹ См.: Цифровое право : учебник / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2021.

или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и цифровых или IT-технологий»². А в монографии «Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте»³ сделан важный вывод, что «в процессе планирования и определения регуляторных механизмов развития цифровой экономики государство, к сожалению, не определилось с ролью и возможностями тех или иных регуляторов, которые необходимы для развития цифровой экономики»⁴. Фактически происходит попытка законодательного регулирования на основе плана и анализа зарубежного опыта, но без учета национальной системы экологического регулирования и технологий правотворческого процесса, также без обеспечения учета научно-методической, материально-технической, организационной, идеологической, информационной, образовательной основ, которые, бесспорно, должны сопровождать процессы правового регулирования эколого-цифровой экономики»⁵.

Известный исследователь цифрового права А. В. Минбалева считает, что «в условиях развития цифровых технологий современная правовая система не способна быстро реагировать на изменение цифровых технологий, поскольку они совершенствуются значительно быстрее. В связи с этим предлагается, выявив закономерности правового регулирования цифровых технологий, особенности их технического регулирования и саморегулирования, обозначить

подходы, механизмы влияния регулирования на развитие цифровых технологий»⁶.

Да, этот формально-нормативный подход не вызывает возражений, но развитие цифрового права направлено в сторону неизбежной замены традиционного экологического права. Это жестокая диалектика развития. Цифровое право перетекает в алгоритмы, программы, независимость ИИ, гигантское расширение дата-центров, цифровую формализацию всех процессов и процедур. Для эколого-правовой системы с ее многообразием объектов и субъектов правоотношений, бесконечным объемом экологической информации, множественностью экологических задач цифровизация — это прорыв в будущее. Области применения цифровизации в экологическом праве многообразны, перечислим только самые очевидные: экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду, предсказание (прогноз) и контроль загрязнений, создание моделей деградации природы, климатические прогнозы, их влияние на экономику, социальные процессы, рациональное землепользование, водопользование, недропользование, лесопользование, квоты и ограничения по добыче природных ресурсов, экологическая безопасность.

Цифровизация экологического права (вынуждены повторить) как первый этап внедрения ИИ — это вопрос не технологического и финансово-экономического уровней (компьютеры, сети, дата-центры, программы и алгоритмы), но прежде всего фундаментального и мировоззренческого уровня, например о значении нравственности, морали и справедливости, о роли и

² Цифровое право. С. 36.

³ См.: Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2019.

⁴ Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалева, В. Б. Наумов [и др.]. Саратов : Амирит, 2019. С. 207.

⁵ Минбалева А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 33.

⁶ См.: Минбалева А. В. Указ. соч. С. 32 ; Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий : монография / под общ. ред. А. В. Минбалева. Саратов : Амирит, 2019. С. 7.

месте человека как биологического существа, о предназначении действующей или возможной правовой системы вообще и «цифровой законности», об основах правопорядка, наконец, о понятиях «закон — право — справедливость»⁷. Уже сейчас, когда оцифровано и накоплено более 12 млн нормативных правовых актов только в базах данных Минюста России, из них большая часть в той или иной степени связана с экологией, и все эти базы данных слабо состыкованы и находятся в отраслевых системах управления⁷.

Совершенно очевидно, что дальнейший процесс цифровизации права выявит вначале проблему деления (и стремительного выделения всё новых) отраслей права, соотношения между законом и подзаконным актом, между публичным и частным правом, источником права и субъектом права, дублирования нормативных правовых актов, степени их востребованности. Но в настоящей статье внимание хотелось бы обратить на особую роль и положение экологического права в свете цифровизации права.

Экологическое право уникально и с юридической точки зрения, и как объект цифровизации. С одной стороны, это одна из отраслей права, с другой — это особая, во многом выходящая за рамки права конструкция, вбирающая в себя биологические, химические, мировоззренческие, политические, технологические, здравоохранительные аспекты. По сути, экологическое право в широком контексте — это правила проживания человека в природе и природы с человеком, а также выживания в глобальном мире. Только на первый взгляд переход «на цифру» является технологической проблемой, в действительности экологическое право (а если шире — эколого-правовая политика) выступает по своей сути протагонистом цифрового порядка, и в том числе ИИ.

Но совсем не лишне задать вопрос, кто станет бенефициаром и кто может потенциально пострадать от массовой цифровизации (внедрения ИИ) экологического права (в том числе в эколого-правовую политику). В настоящее время экологическое право — «продукт»

государственных органов и правовых институтов. Есть система государственного экологического управления, государственные органы, государственные предприятия, частный бизнес, граждане, общественность. Это субъекты экологических правоотношений. Цифровизация экологического права и последующее внедрение ИИ — это проверка на прочность не интернет-технологий, а наших концепций, целей, методов и механизмов экологического управления, экономики потребления, целей устойчивого развития, наконец, представлений о себе и обществе.

Цели цифровизации и внедрения ИИ в экологическом праве должны быть сформулированы и заданы не технологами и специалистами в области информационных технологий, а юристами.

Выделим ключевые, на наш взгляд, вопросы цифровизации, риски и угрозы, сопровождающие трансформацию экологического права.

1. Цифровизация экологического права не цель, а технология, ведущая к ней. Но цель цифровизации экологического права как права жизнеобеспечения и как права на жизнь не определена. Более того, выявлены интересы прямых и условных субъектов экологических правоотношений, таких как природа, животный и растительный мир, природопользователи, экологи, юристы, научные работники, органы власти и управления, но не обозначены управленческие риски и не понятны перспективы и условная цена цифровизации.

2. В экономике, бизнесе, биологии, управлении — во многих областях и сферах применение методов цифровизации права однозначно прогрессивно. Но для экологической политики важна не материальная или иная выгода, а другие критерии, например экологическая безопасность, что требует специального анализа целей и задач цифровизации.

3. Эколого-правовая политика и экологическое право — это особый вид правоотношений, связанный с важнейшей социальной составляющей экологического права — нравственным кри-

⁷ Не считая базы экологических данных на территориальном уровне, норм и правил природопользования, водопользования, лесопользования и др.

териум, широким общественным движением, социокультурным контекстом.

Специфической стороной цифровизации экологического права является экологическая информация — это плохо атрибутируемый массив данных, который может быть обращен и применим чуть ли не ко всем видам экономической, технологической, градостроительной, биологической и иной информации. Хотя в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁸ (далее — Закон об ООС) есть определение экологической информации, но куда, например, отнести отдельный, постоянно генерируемый поток данных Единой системы государственного экологического мониторинга, включающей в себя 16 подсистем? Даже не стоит напоминать, что каждая из информационных подсистем, крайне важных для эколого-правовых отношений, включает в себя сотни разнообразных показателей. Но до сих пор непонятно, какие показатели главные, а какие — второстепенные, как они интегрируются и как отражают целостное единство (пресловутое качество окружающей среды). Еще более сложный вопрос (с правовой позиции) — определить нормативный статус и место различных данных, которые имеют самые разные значения: показатели, сведения, параметры, индексы, указания, нормативы, концентрации, условия, уровни... С точки зрения алгоритмов и цифровых программ это всё информация, но с позиций экологического права эта информация принципиально разная, имеющая различную нормативную значимость и привязанность к каким-то отдельным обстоятельствам.

Еще в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» выделены такие показатели, как нормативы воздействия: качества среды, нагрузки, величины выбросов и сбросов, предельно допустимой концентрации, физических воздействий, экобезопасности. Показатели охраны окружающей среды подразделяются на технические, технологические, санитарные, здравоохранительные, показатели безопасности, в области охраны воды, воздуха, земель, почв и др.

Мониторинг по экологическим показателям представляет отдельную часть экологической деятельности на национальном и территориальном уровнях, он показывает динамику экологической обстановки, позволяет реализовывать конкретные меры по ее стабилизации, проводить более детальные исследования в регионах, в частности регулировать:

- выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух;
- возобновляемые ресурсы пресной воды;
- особо охраняемые природные территории;
- виды, находящиеся под угрозой исчезновения, и охраняемые виды;
- леса, их использование и восстановление;
- тенденции изменения численности и распространения отдельных видов растений и животных;
- образование отходов по классам опасностей;
- переработку и вторичное использование отходов.

Экологические показатели влияют и входят в основную категорию плановых, управленческих, стратегических документов, они соотносятся с показателями качества жизни населения, ВВП и другими макроэкономическими показателями.

Другими словами, инвентаризация экологической информации даже на уровне понятийном, смысловом, онтологическом уже становится серьезной проблемой для цифровизации эколого-правовой политики. Нельзя улучшать экологические показатели без ясной долгосрочной цели, целеуказания, целеуказание без экологической политики, основанной на имеющихся ресурсах и перспективах, эколого-правовые детерминанты без учета перспектив экономики и права.

Перечисленные для примера источники экологической информации — это только малая часть всего объема потенциально значимой базы данных о состоянии окружающей среды, экологической безопасности, природных ресурсов, их использовании, уровне загрязнения, уровне деградации природных комплексов и т.д.

⁸ Российская газета. № 6. 12.01.2002.

Сразу возникает три вопроса, важных для цифровизации экологического права:

1. Какой набор экологической информации (показателей, данных) избыточен/достаточен, необходим и репрезентативен для управления на различных уровнях принятия решений, в чем цифровизация экологического права кардинально (принципиально) меняет подходы к природоохранной политике, в чем проявляется новое качество экологического управления?

2. Насколько, для кого и для каких целей, каких потребителей этот набор показателей (данных) остро необходим, эффективен в управленческом и экономическом плане и в каком виде эта информация наиболее применима? Сейчас основным потребителем и заказчиком выступают государственные органы, но в действительности экологическая информация нужна буквально всем, если она будет надлежаще сгруппирована, то ее коммерческая ценность станет очевидной. Например, торговля углеродными единицами и выдача комплексных экологических разрешений, не говоря уже об оценке воздействия, экологической экспертизе, градостроительных решениях, дают основание думать о финансовой ценности экологической информации.

3. Цифровизация права, как показывает практика, успешна там, где понятна выгода, чем бы она ни измерялась. В случае с экологической информацией необходим иной критерий выгоды — общественная значимость, обеспечение безопасности, предотвращенный ущерб, эстетическая, культурная, социальная, ландшафтная ценность. Кроме того, есть огромный пласт нормативно-разрешительных документов и контрольно-надзорных мер, которые легко оцифровываются и представляют коммерческую ценность в случае их цифровизации.

Стоит также не забывать об уже существующей единой базе данных в системе ГАС «Управление».

Координация и унификация информационных платформ различных ведомств могли бы резко повысить значимость экологической информации, а единство алгоритмов и интернет-программ придало бы всей системе огромный синергетический эффект. Но преодоление ведомственных барьеров (что крайне необходимо в случае с экологической информацией) — процесс еще более сложный, чем создание своей базы данных.

Цифровизация экологического права важна в том случае, когда есть запрос на достижение конкретных целей эколого-правовой политики.

Исследовать современное положение в области цифровизации экологических правоотношений без учета глобальной конкуренции, неопределенности и напряженности не имеет смысла, т.к. именно эти три фактора определяют повестку дня в теории и практике, в том числе экологического, права. Нельзя назвать эти вызовы специфическими или главными для раскрытия темы цифровизации экологического права, но они точно не могут быть игнорируемы. В нарождающейся цифровой правовой экосистеме главное не традиции и стабильность, а изменчивость — скорость реакции и точность адаптации права к быстро меняющимся технологиям, способам их применения, условиям окружающей среды⁹.

Для решения проблем цифровизации экологического права большое значение имеет дискуссия об отраслях права и праве нормативного пространства. Теория условного отмирания права территорий и наступления эры права нормативного пространства становится не пустым звуком. Обсуждение теории права нормативного пространства — это следствие цифровизации права, но как это коррелирует с вполне конкретной привязкой эколого-правовых отношений именно к земле, территории, биологии, окружающей среде?

⁹ См. подробнее доклад Всемирного банка о развитии цифровой экономики в России «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические выгоды для России» (Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation / World Bank Group. World Bank, 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4959ca8a-e664-574b-86bd-8c9d815461c6> (дата обращения: 12.10.2024)).

Мнение Ц. А. Ямпольской о том, что отраслей в праве вообще нет, в современных реалиях цифровизации становится актуальным: «Отрасли права не укладываются в системе права одна рядом с другой, а наползают друг на друга. Отрасль не является внутренне присущим подразделением правовой ткани. Таким подразделением служит норма права... Отраслей как таковых в праве нет. Мы их, с учетом традиций, привносим для удобства изучения права, для удобства пользования нормами, для кодификации. Следовательно, нет проблемы «соотношение системы права и системы законодательства». Система права существует не как система отраслей, а как система прочно взаимосвязанных в единое целое правовых норм. При этом можно выделять и отрасли, но не возводить их в абсолюты, они имеют условный характер и вспомогательное значение»¹⁰.

При этом спор о перспективах и соотношении отраслей права и норм права в свете цифровизации не закончен. Более того, именно цифровизация права дает повод говорить о том, что «отрасль права» как базовая категория (институция) постепенно теряет первичное значение. Практически неостановимый поток образования новых отраслей права ставит под сомнение саму способность права служить универсальным регулятором социальных отношений. Но это лишь простой пример того, как цифровизация по-новому расставляет акценты в правовой теории, как остро проявляется необходимость новых взглядов и подходов к самой теории экологического права.

Настоящий вызов для цифровизации экологического права (и не только его) — стремительные и кардинальные (глобальные) изменения в миропорядке, в том числе санкционная политика, сворачивание международных программ, сокращение научного обмена и контактов, выдавливание российских эколого-правовых практик из контекста мировой политики.

Другими словами, цифровизация права — это часть конкурентной борьбы за эффективность управления в условиях жестокой конкуренции государств.

С другой стороны, повышаются значение и роль экологичности норм права, особенно тех, что несут в себе инновационные, адаптационные и прагматические концепты, пригодные как для национального, так и для международного применения.

Что, на наш взгляд, заставляет по-новому взглянуть на основы цифровизации экологического права и тем самым на основы эколого-правовой политики?

1. Несмотря на известную территориальность, привязку экологических проблем к конкретной территории (особенно в рамках эколого-экономической суверенизации), национальное экологическое право всегда тяготело к международному и даже глобальному контексту в силу неделимости природы и всеобщности жизни. Поэтому экологические нормы, так же как и методы цифрового регулирования, экологический мониторинг, экологические стандарты и правила, в большей или меньшей степени стали международными и национальными одновременно, локальными и глобальными. Путь цифровизации для экологического права — это создание единого цифрового пространства на базе экологических законов как в рамках национального суверенитета, так и в глобальном смысле.

2. Сложнейшей (в национальном и международном праве) проблемой стала целевая и, следовательно, планировочная функция экологического права: каковы возможные и допустимые параметры существования человека в природе, выраженные в законах, нормативах, стандартах, условиях гармонизации, исключающие (или по крайней мере не допускающие) вероятность экологических катастроф. Вопрос экологического права в следующем: насколько в цифровом мире оптимальны, правильны, актуальны цели/задачи, законы / правила / эко-

¹⁰ Система советского права и перспективы ее развития. Круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 94–95.

логическая политика в целом с точки зрения не только человеческих потребностей, но и потребностей природы?

Таким образом, цифровизация экологического права и использование ИИ ставят задачу

определения их места, возможностей, а также рисков и пределов, что, безусловно, меняет концепцию экологического права¹¹ и современную модель правового регулирования экологических отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., Воронина Н. П. Доктрина экологического права: теоретико-методологические аспекты развития : монография. — М. : Проспект, 2024. — 384 с.
2. Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 12 (64). — С. 31–36. — DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.
3. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. — Саратов : Амирит, 2019. — 236 с.
4. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2019. — 240 с.
5. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий : монография / под общ. ред. А. В. Минбалеева. — Саратов : Амирит, 2019. — 207 с.
6. Система советского права и перспективы ее развития. Круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. — 1982. — № 6.
7. Цифровое право : учебник / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2024. — 640 с.
8. Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation / World Bank Group. — World Bank, 2018. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4959ca8a-e664-574b-86bd-8c9d815461c6>.

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G., Voronina N. P. Doktrina ekologicheskogo prava: teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitiya: monografiya. — M.: Prospekt, 2024. — 384 s.
2. Minbaleev A. V. Transformatsiya regulirovaniya tsifrovyykh otnosheniy // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2019. — № 12 (64). — S. 31–36. — DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.
3. Pravovoe regulirovanie obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v usloviyakh bolshikh vyzovov v globalnom informatsionnom obshchestve / T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev, V. B. Naumov [i dr.]. — Saratov: Amirit, 2019. — 236 s.
4. Pravovoe regulirovanie tsifrovoy ekonomiki v sovremennykh usloviyakh razvitiya vysokotekhnologichnogo biznesa v natsionalnom i globalnom kontekste: monografiya / pod obshch. red. V. N. Sinyukova, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2019. — 240 s.

¹¹ См.: Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., Воронина Н. П. Доктрина экологического права: теоретико-методологические аспекты развития : монография. М. : Проспект, 2024.

5. Pravovoe regulirovanie tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. Rol i mesto pravovogo regulirovaniya i samoregulirovaniya v razvitii tsifrovyykh tekhnologiy: monografiya / pod obshch. red. A. V. Minbaleeva. — Saratov: Amirit, 2019. — 207 s.
6. Sistema sovetskogo prava i perspektivy ee razvitiya. Kruglyy stol zhurnala «Sovetskoe gosudarstvo i pravo» // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1982. — № 6. — S. 94–95.
7. Tsifrovoe pravo: uchebnik / pod red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2024. — 640 s.
8. Competing in the Digital Age: Policy Implications for the Russian Federation / World Bank Group. — World Bank, 2018. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4959ca8a-e664-574b-86bd-8c9d815461c6>.